

М.А. ВОРОНОВ
ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Повести. Рассказы // Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1961
FB2: Isais <isais2005@yandex.ru >, 2014-11-21 10:30:57, version 1.0
UUID: samlib546eea3167b6c1.23194053
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Михаил Алексеевич Воронов

Вот так с праздником!

Михаил Алексеевич Воронов
Вот так с праздником!

(Рассказ чиновника)[1]

— Что же, Иван Макарыч, еще по рюмочке долбанем? а?

— Нет-с, Петр Егорыч, многонько очень уж будет: этак и ног с места не сволокешь. Нет-с, не буду, потому зарок дал — не пить под Новый год. Да-с.

— Эва!

— Ей-господи, так-с. Я вам сейчас всю эту канитель объясню: мерзеющая история, одно слово! Было, видите ли, дело-то годов двадцать тому назад... двадцать либо двадцать один, этак надо быть. Служил я в те поры в провинции, в казенной палате, писцом на втором окладе сидел. Ну, был я, известно, человек молодой, вокруг себя наблюдение имел: сюртучок, знаете, чистенький, сапожки на каблучках, голова в помаде — бергамот, — все, как следует, было у меня. У начальства, опять же надо и то сказать, имелся я на виду: послать ли куда, исполнить ли что — все я, да я, так-то-с. Ну, да теперь дело прошлое, сказать можно: влюблен даже был-с в столоначальникову дочку, и от нее благоволением удостоен был. Да вот, видно, нечистый-то как

пронюхал, что я, так сказать, лезу в гору, и стало это сатане досадно, и решился он мне подставить ногу, — ну, и подставил же, адская тварь: век не забуду! А подставил Мне сатана эту свою чертову ногу вот каким манером. Получили мы к празднику награды: кому там сколько пожаловали, а мне сорок рублей приказано было выдать. Истратил я из этих денег рублей тридцать на свой туалет: зубную щетку купил, то да се, и все-таки осталось у меня целых десять рублей, да жалованье, еще надо сказать, в это же время выдали, — стало, богач богачом вышел я на праздниках. Скромненько да бережливенько прожил я первый день, прожил другой, прожил и третий, а там, гляжу, доцарапался и до тридцать первого числа. Утро прошло, слава богу, благополучно. Только, сударь мой, этак к вечеру приходит ко мне один товарищ по службе, — приходит, да и зовет к себе: Новый год-де встретим. Ну, почему, думаю, не пойти. Собрался, сюртучок новенький надел, сапожки надлежащие обрядил, галстучек и все этакое, праздничное. Тронулись. В водку я до той поры не вникал надлежащим образом; извест-

но, пил, — но сладости в ней особенно не понимал; так, пороком одним считал. Как теперь помню, стали мы сначала-то под гитару песни разные петь, по рюмочке, по другой, известно, выпили, а там... и разум отнялся. Что я делал, как я вел себя во весь конец вечера, — вот хоть руку рубите, не скажу: ничего не помню! помню только, что когда мы вышли на улицу, так меня словно бы ветром опажнуло маленько и стал словно бы я опять в чувство приходить. Ну, прошел тут я с товарищами улицу-другую, повернул налево — один иду. Чудесно-с. Только иду-иду, пошатываюсь, об студены заборы поталкиваюсь, и дошел наконец я до дома, в котором, изволите ли видеть, один наш советник жил. Как взглянул я тут вверх-то — ума помрачение! — светлынь такая, что хоть глаза зажмуривай, да к тому же и музыка, каторжная, ревмя ревет. А дом, надо сказать, одноэтажный; а черт, — чтоб его ведьмы задрали, — с хвостом; и стал меня этот хвостатый смущать: посмотри да посмотри в окно. Вот недолго думая занес я ногу на фундамент, рукой ухватился за какую-то планку, — тут под самой ра-

мой пририта была, — да и вознесся, чтобы взглянуть. Только вдруг эта самая планка, — гнилая, что ли, она была, — и оторвись она, анафемская ее душа, и полетел я, сердечный в тартарары, прямо затылком об землю приложился. А тут еще кто-то, кучер, что ли, советничий, или другой какой мужлан, как увидел, что я от окна-то этакое колено сдействовал, — зараз подскочил ко мне, да вот по глазу, прямо вот по этому самому месту и резнул: ну, известно, кулак у него бочка, а глаз инструмент нежный, разом шишка во какая выросла. Вскочил я в это время на ноги, да и задал же деруна: куда и хмель весь выскочил, так меня он ловко поцеловал по глазу-то. Бегу, бегу, а сам все думаю: «Господи, господи! цел ли мой новенький сюртучок?» А об глазе-то и невдомек, что с ним деется. Как прибежал домой и, сам себя не помню, прямо к зеркалу: сейчас осмотрел все платье, — слава богу, цело. Ну тут, ободрившись, то уж, как взглянул я на рожу на свою, да как обозрел фонарь-то, каков он таков есть, — и ударился я тут в слезы: так, как корова, и проревел до утра. Эх, Иван Егорыч, сказывать ли до конца? — при-

бавил рассказчик, махнув рукой.

— А что?

— Да ведь службу потерял, невесту, три года нищим прожил, и все из-за этого проклятого фонаря.

— Тсс...

— Так вот и рассудите вы, каково мне горько теперь ино время смотреть и не сметь выпить лишней рюмки... а особливо еще под Новый год.

Примечания

Вот так с праздником! — Впервые опубликовано в журнале «Будильник», № 1 за 1868 год, по тексту которого рассказ печатается в настоящем издании.

[^^^]